

ИВАНОВА АЛИНА ПАВЛОВНА

ГОРОДА И ПОСАДЫ

В статье представлен краткий обзор архитектурных ландшафтов главных городов Приморья и Приамурья. Как в «коренных», материковых русских городах всегда был укрепленный каменный кремль (пространство власти) и «народный» посад, ютящийся под стенами, жмущийся к «настоящему», «господскому» городу и пытающийся ему подражать, так и в современных дальневосточных городах читается бинарная структура: «каменный» центр и посад, где всё те же деревянные избы обшиваются сайдингом и облицовываются фальшивым брусом и декоративным кирпичом.

Ключевые слова: дальневосточная народная архитектура, вернакуляр.

Keywords: Far Eastern vernacular architecture, vernacular.

В книге «Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018-е гг.» [1] мы подробно изложили историю развития и характеристики «народной» архитектуры этих городов, поэтому ограничимся их беглым обзором и подробнее остановимся на Благовещенске и Уссурийске. В статье широко цитируются записки А. А. Кауфмана (1864–1919 гг.), побывавшего в Южно-Уссурийском крае в 1901 году. Его научно-публицистическое наследие, прежде всего сборник дорожных очерков «По новым местам» [2], где скрупулезно зафиксирован быт переселенцев, является важнейшим источником информации о заселении Дальнего Востока. Кауфман путешествовал по главному переселенческому маршруту Сретенск — Владивосток, его записки полны рассказов о кипящих стройках, постоянно упоминаются новенькие («с иголочки») срубы, крепкие («веселые») избы, нарядные, благоустроенные переселенческие пункты — всюду бурлит жизнь, строятся мосты и дороги, дымят пароходы и паровозы, города процветают и проч. Кауфмана хочется цитировать абзацами и целыми страницами, эти профессиональные, этнографически точные описания повседневных практик первых колонистов с лихвой компенсируют нехватку визуального материала.

Хабаровск и Владивосток

Подобно тому, как великие европейские города были основаны римскими легионами на месте кельтских селений, дальневосточные форпосты русской колонизации возникали на месте туземных стоянок, расположенных в самых удобных (и, как правило, самых красивых) местах морских и речных побережий. Первый линейный батальон, высадившийся в излучине Амура, заложил Хабаровку у нанайского стойбища Бури (кит. Боли — лук, излучина), где, по свидетельству натуралистов Р. К. Маака и Л. И. Шренка, помимо туземных летников, находился тотемный столб с прибитыми черепами медведей [3, с. 11–12]. Смутная память о «дереве с медвежьими черепами» как важнейшем объекте трансцендентной связи с местными духами воды и гор сохранилась до сегодняшнего дня в виде «элемента благоустройства» — Амурского утёса.

История Хабаровска началась с возведения железнодорожного посёлка, который должен был обслуживать строительство моста через реку Амур. Поселение довольно быстро приобрело статус административного центра и ставки штаба округа. Необходимость строительства военных объектов привела к формированию действующего архитектурного ландшафта исторического центра: размещение двухэтажных краснокирпичных домов. Хабаровск, благодаря исключительному расположению (место слияния

Амура и Уссури), быстро стал важным административным центром. Официальный статус столицы Приморья и неофициальный — «Амурских Афин» (как, по свидетельству А. Кауфмана, называли город «местные патриоты» в 1901 г. [2, с. 104]) — требовал соответствующей архитектурной презентации: «...огромная масса воды — целое море, невысокий трехглавый мыс, на котором пестреют то деревянные, то серые с красным кирпичные городские постройки; масса зелени и на самом видном месте, над обрывом, среди густой зелени городского сада, эффектный памятник Муравьеву, со спокойною гордостью “взирающий” на присоединенный Амур» [2, с. 101]. Описывая в своих заметках панорамы Хабаровска, открывающиеся с борта парохода, Кауфман неоднократно упоминает «массы зелени», среди которой «разбросаны небольшие, по большей части деревянные, дома, но сравнительно много и кирпичных построек — почти все, по оригинальному хабаровскому обычаю, из кирпича двух цветов, серого и красного, уложенного по фасадам в хорошенькие узоры», и хвалит казённые учреждения: «...довольно красивы здания генерал-губернаторского “дворца”, военного собрания, музея, библиотеки. По всем концам города разбросаны кирпичные массивные казармы, и впереди всего этого, среди хорошенького городского сада, величественный памятник Муравьева; все это ласкает глаз и делает Хабаровск, по общему виду, одним из самых красивых городов Сибири» [2, с. 104].

Действительно, и сегодня Хабаровск поражает приездных живописными панорамами и зеленью на бульварах и в парках; по-прежнему самыми красивыми зданиями города считаются серо-красные кирпичные постройки начала XX века, которые служат базой «хабаровского стиля», активно эксплуатируемого в высокоплотном малоэтажном жилом строительстве.

Кауфман с присущей ему пронизательностью констатирует: «Вся жизнь этого города тяготеет к дюжине каменных зданий, в которых помещаются разные военные и гражданские канцелярии, к казармам и военным учреждениям, разбросанным по всем окраинам города, а главное — к серо-красному зданию с развевающимся над ним георгиевским флагом — к дому генерал-губернатора, который как бы доминирует над городом, бросаясь вам в глаза, когда вы еще только подъезжаете на пароходе, одновременно с небольшим собором и с памятником Муравьева» [2, с. 107].

Размещение в городе гарнизона и штаба округа неизбежно привело к формированию архитектурного ландшафта, аналогичного уссурийскому («Преобладание военного элемента, которое так бросается в глаза в Хабаровске, продолжается и на Уссурийской дороге», — читаем у Кауфмана [2, с. 116]). Как и в Уссурийске, в Хабаровске начиная с 1990-х годов двухэтажный кирпичный особняк становится

а)

б)

в)

«Народная» архитектура Хабаровска.

На фотографиях представлен наглядный прогресс в формировании архитектуры Хабаровска: а) один из последних барачков, сохранившихся в самом центре города, на улице Ленинградской;

б) деревянный дом компактного объёма, пос. Горького, декабрь 2018 года; в) новая частная архитектура Хабаровска. Сложная объёмно-пространственная композиция коттеджа, составленная из нескольких башенных объёмов под вальмовыми кровлями. Южный микрорайон, ост. «Сурикова», апрель 2018 года.

обязательным атрибутом социализации. К сожалению, в отличие от Уссурийска и Благовещенска, в Хабаровске не сохранилось значительных массивов исторического частного сектора, а то, что уцелело, исчезает на глазах, стремительно вытесняясь «мусорным пространством» (определение, введённое Ремом Колхасом).

Малые уцелевшие локусы «народной» архитектуры ветшают или просто сгорают, а земля в дальнейшем уходит под строительство новых жилых массивов. Анализ

городского полотна Хабаровска позволяет отследить зоны, содержащие секторы барачной и индивидуальной застройки. В поселении присутствует множество локусов субурбий, что объясняется уникальной структурой линейного города, растянутого по береговой линии.

Традиционно город дробится на три части: северную, южную и центральную, причём этап активного развития каждой из них приходился на разное время, что сформировало прослойку частной застройки между ними. В наше время данный факт отражается в наличии крупных массивов «народной» архитектуры в центральной части города.

Традиционные для Дальнего Востока бараки в основном распространены в Южном районе и железнодорожной части Центрального района, так как именно в этих местах концентрировалась малоквалифицированная рабочая сила.

Местом скопления индивидуальной застройки кроме городских периферий стал и исторический центр. Тут необходимо отметить изначальный план города, когда основные улицы проектировались по водоразделам, ориентированным на Амур, находящимся на вершинах (ул. Карла Маркса, ул. Ленина и ул. Серышева), а «народные деревянные трущобы» размещались в низинах и на склонах сопки. Пример Хабаровска демонстрирует нам ситуацию, когда понимание субурбий уходит от традиционно закреплённого — жилые районы на периферии поселения. В городе присутствуют массивные районы частной деревянной архитектуры на улицах, прямо прилегающих к историческому центру.

В последние годы Хабаровск стал центром нового переселенческого движения — город принимает значительное количество мигрантов, которые сразу же начинают строить привычный для среднеазиатского и закавказского регионов вернакуляр.

Хабаровские субурбии теряют гомогенный характер, сопутствующий им с конца 1990-х годов, и, как реакция на

а)

б)

Архитектура хабаровских предместий, октябрь 2019 года:

а) типичный коммерческий вернакуляр начала 2010-х годов. Рецепции архитектуры фронта в сайдинге. Воспроизведение типичных торговых рядов; б) новый вернакуляр Хабаровска. Тёмные территории. Маргинальное пространство между улицами Бондаря и Трёхгорной — заброшенная военная часть в зелёной зоне, превращённой в свалку строительного мусора, с гаражными кооперативами по северному флангу. В течение лета-осени 2019 года над гаражами вырос типичный для южных республик дом из монолитного бетона с верандой по периметру. Отметим, что открытые и застеклённые веранды, свободно «висящие», а не встроенные в структуру здания, стали появляться в хабаровском частном секторе относительно недавно, по мере вытеснения оттуда коренных жителей новой волной переселенцев.

«новую мультикультурность», набирает обороты «краснокирпичный ренессанс». Если до 2014 года основу субурбий составляли замки и форты, то сегодня появляются целые кварталы новых «красных казарм»: 2-, 3- и 5-этажная коммерческая застройка в «историческом хабаровском стиле», как позиционируются эти симулякры на рынке недвижимости.

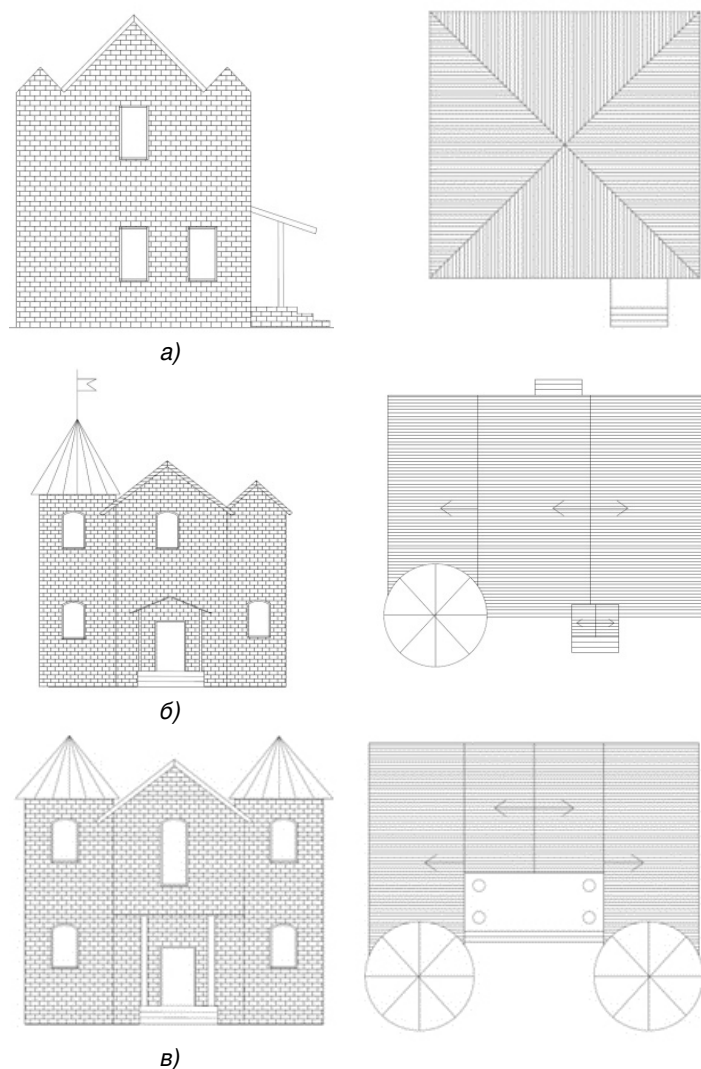
Наиболее распространённые типы хабаровского кирпичного вернакуляра не меняются десятилетиями.

Архитектурный ландшафт Владивостока сформировали прежде всего такие факторы, как порто-франко и небывалая для Российской империи полиэтничность и мультикультурность города. Фрагментарно сохранившийся исторический центр, застроенный немцами, американцами, французами и поляками, позволил Владивостоку позиционировать себя на рынке юго-восточной туристической индустрии как «настоящий европейский город» (чартеры из Сеула летают во Владивосток под девизом «Два часа, и вы в Европе»).

Праздничная эклектичность и романтизм, присущий историческому архитектурному ландшафту Владивостока, вновь и вновь воспроизводится в коммерческом вернакуляре

(«береговая архитектура»); пригороды поражают фантастическими замками. Но на смену кирпичу уверенно идёт архитектура сруба как более «историческая», «аутентичная», «русская» и, стало быть, более привлекательная для туристов из Юго-Восточной Азии. Субурбии Владивостока развиваются в северном направлении, образуя линейную структуру, вытянутую вдоль федеральной трассы «Хабаровск — Владивосток».

Сформулируем резюме. Основными типами застройки колонизируемых территорий традиционно являлись форты (гарнизоны) и фактории; форты символизировали государственную идею, фактории — частную инициативу. Думается, актуализация исторического наследия эпохи колонизации, как и любой героический нарратив, может иметь убедительные коммерческие перспективы, а реконструкция отдельных объектов и фрагментов застройки 1860-х – 1930-х годов благотворно скажется на облике постсоветских дальневосточных поселений. Особенно это касается Хабаровска, жители которого, по данным опроса, проведённого в апреле 2019 года Финансовым универси-

Наиболее распространённые типы хабаровского кирпичного вернакуляра 1990–2019 годов, которые воспроизводятся уже 30 лет:

- а) тип «форт» — самый бюджетный и распространённый вариант частного дома, не теряющий популярности с 1990-х годов. Краснокирпичное здание, прямоугольный/квадратный план с боковой пристройкой входной группы, кубический объём, двускатная крыша, декор, воспроизводящий приёмы «кирпичного стиля», чаще всего — рустовка углов, карнизы с сухариками и фигурные сандрики. «Форт», как правило, стоит за глухим забором, на юру, на участке не предполагается наличие ландшафтного дизайна;
- б) «замок» — более претенциозный вариант особняка: не просто дом, а претензия на легитимизацию нового социального статуса «феодала». Объёмно-пространственная композиция варьируется от кубической с приставной башней-эркером до сложносоставных композиций. Наличие «средневековой» башни под острым гранёным шатром (как правило, с флюгером) обязательно. Вальмовая крыша с мансардными окнами. Ограда — не простой профнастил, а комбинация из профнастила и кирпичных столбов;
- в) тип «вилла», характерная черта которого — заглублённая лоджия между двумя башнеобразными ризалитами. Сложная объёмно-пространственная композиция, много-составная крыша, обилие деталей, различные оконные проёмы, разнообразные переплётыв. Ограда важна для формирования облика коттеджа и составляет с ним единый ансамбль: комбинация бутовой кладки, кирпичных столбов, качественной кованой решётки, увитой виноградником, создаёт впечатление уютного семейного гнезда, родового дома. Проницаемость ограды сигнализирует об уверенности хозяина в легитимности своего статуса.

тетом при Правительстве РФ [4], чувствуют себя самыми несчастными во всей России. Этот факт свидетельствует о том, что хабаровчанам не хватает осмысления пространства, в котором они живут. Возможно, искусственное удлинение исторической оптики и включение Хабаровска в большой исторический нарратив несколько скрасит существование жителей краевого центра. Владивосток, напротив, занял первое место в стране по уровню счастья. Предположим, что истоки столь полярного самоощущения жителей двух дальневосточных городов, находящихся в 900 км друг от друга, определяются пресловутыми культурными кодами, заложенными ещё 150 лет назад, когда Владивосток, получив статус порто-франко, стал застраиваться отличным северо-европейским модерном и благородным боз-артом, а Хабаровск, будучи железнодорожным посёлком, довольствовался казармами и бараками мостостроителей.

Благовещенск

Благовещенск, поражающий путешественников (от Чехова до Кауфмана) духом свободы и деловой хваткой, обязан

своим кратким, но бурным расцветом «золотой лихорадке» и поставленному амурскому фермерству. Современники отмечают «американский дух», царивший всюду, — от передовой сельскохозяйственной техники и манеры одеваться до зеркальных, ярко освещённых витрин.

Вновь цитата из Кауфмана: «Благовещенск, как город новый, отличается, прежде всего, чрезвычайно правильной и притом широкою планировкой. Пять или шесть очень широких улиц, параллельных Амуру, и множество перпендикулярных к ним, несколько более узких; в длину город растянулся, кажется, на шесть верст, и множество кварталов по окраинам стоят еще пустыми или только начинают обстраивать... бросается в глаза только обширное и довольно красивое белое здание почтамта. Но первая достопримечательность Благовещенска — это роскошные палладо, одно в новорусском стиле московских верхних рядов, другое — что-то вроде ренессанса, с несимметрично расположенными, полумауританскими куполками, занятые громадными универсальными магазинами Чурина и Кунста-Альберса — этих властителей дум населения Благовещенска и других городов Приамурья. И как в Сретенске, только еще гораздо сильнее, здесь бро-

сается в глаза и связь с океаном, а через него — с Америкой и Западной Европой, и тесное соприкосновение с Китаем и Японией» [2, с. 20–21]. «Китайцы, точнее, маньчжуры занимали в Благовещенске особые китайские кварталы, а затем населяли шестьдесят деревень в так называемом “за-Зазейском отводе”, пользуясь здесь чем-то вроде права экстерриториальности» [2, с. 20–21].

В первое десятилетие XX века город пережил всплеск размашистого купеческого барокко, апофеозом которого стало возведение громадного дворца Чурина, который, впрочем, так и остался одиноким архитектурным эксцессом, а благовещенский мейнстрим повернул в сторону привычной краснокирпичной гарнизонной архитектуры с явным готическим акцентом (торговые ряды «Мавритания» на набережной Амура, 1911 г.). Флагманом этого «патриотичного» направления выступал величественный германский Торговый дом «Кунст и Альберс», выдержанный в державном стиле. Впрочем, за исключением трёх главных улиц, идущих параллельно набережной Амура и застроенных купеческими особняками с гарнизоном на левом фланге, Благовещенск представлял (и представляет) собой хорошо спланированный деревянный одноэтажный город. Основной жилой единицей являлась квадратная в плане изба с низкой четырёхскатной крышей. Из-за большой площади одноэтажные постройки сегодня кажутся несколько приземистыми, но оставляют впечатление исключительной прочности и долговечности. Благовещенск — единственный дальневосточный город, где в большом количестве сохранилась деревянная резьба: практически каждая изба украшена тяжёлыми многоярусными карнизами, а наличники и угловые лопатки приятно поражают разнообразием орнаментальных сюжетов. Отлично сохранившийся жилой фонд предотвратил в Благовещенске появление значительных по размеру субурбий. Горожане продолжают жить в переходящих по наследству избах, помня всю «родословную» своего жилья с дореволюционных времён.

Коммерческий вернакуляр имитирует краснокирпичную архитектуру фронта, цитатно повторяя характер декора и объёмно-пространственные композиции фасадов. Несмотря на то, что прямо напротив Благовещенска на китайском берегу Амура стремительно растёт Хэйхэ, влияние китайской строительной индустрии на архитектурный ландшафт русского города менее катастрофично, чем можно было бы ожидать. Благовещенск окуклился в своей легенде «золотого века» и удачно эксплуатирует хорошо сохранившуюся историческую среду уютного малоэтажного купеческого города. Средний класс инвестирует в недвижимость на китайской стороне — это считается более выгодным и надёжным, поэтому старый жилой фонд не подвергается обычной «модернизации» (обшивка сайдингом и замена тёсовых кровель металлочерепицей).

Уссурийск

Описание Уссурийска (Никольска-Уссурийского) начнём с цитаты из Кауфмана: «Большой каменный вокзал, казармы железнодорожного батальона, красивая каменная церковь, и приблизительно в полуверсте город Никольск, еще так недавно, село Никольское, который из окна вагона представляет собою море сероватых цинкованных крыш... В городе преобладают небольшие одноэтажные дома, почти все беленые; не мало, однако, и более значительных построек; обширные, хорошо обставленные магазины Кунста-Альберса, Чурина, Лангелитье и других, частью владивостокских, частью местных фирм; несколько гостиниц с приличными ресторанами и невероятными ценами; обширный корейский квартал и целая улица японских публичных домов, все с особою нумерацией и своеобразною архитектурой построек» [2, с. 69].

Значительный массив одноэтажной жилой застройки (малороссийские мазанки) уцелел и в Уссурийске-Никольском, основанном в 1868 году близ китайской границы. Русский гарнизон был расположен в старой чжурчжэньской крепости с хорошо сохранившимися валами и рвами, вокруг вырос военный городок из краснокирпичных казарм, а офицерские флигеля вытянулись вдоль улицы Лермонтова. Вся эта структура дошла практически без изменения до сегодняшнего дня.

Традиционное размещение в Уссурийске штаба округа и наличие состоятельного слоя заказчиков с консервативной эстетической программой привели к формированию обширных субурбий, сплошь застроенных громадными кирпичными палаццо гарнизонной архитектуры, так как наличие собственного кирпичного замка является обязательным атрибутом определённого социального статуса. Особенность менталитета обитателей уссурийских субурбий привела к созданию худшего вида среды — максимально сословной, закрытой и недружелюбной, монотонной, бездарной и агрессивной. За пределами исторического центра Уссурийск сплошь разгорожен на участки глухими высокими заборами из профнастила. Сохранившаяся одноэтажная деревянная застройка, с точки зрения хозяев уссурийского дискурса, выглядит «бедно», поэтому все фасады, выходящие на красные линии, в обязательном порядке модернизируют. Так как избы и деревянные дома, которыми застроены уссурийские окраины, изначально были рассчитаны на несколько хозяев, подавляющее большинство построек имеет в результате реконструкций лоскутные фасады; для большего контраста разные части фасадов и крыш красятся в контрастные цвета. Этот приём «печворка», повторённый множество раз, складывается в узнаваемый локальный стиль и транслируется на дальние городские окраины.

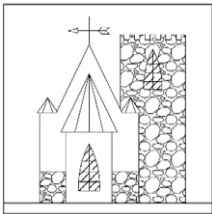
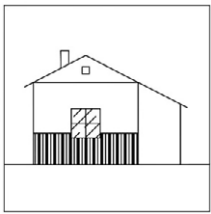
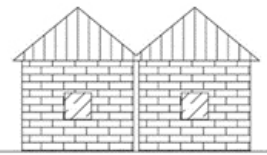
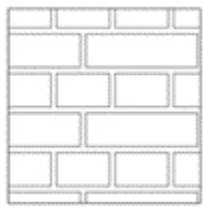
Как и большинство дальневосточных поселений, Уссурийск страдает от ежегодных подтоплений в сезон тайфунов, что не мешает жителям сплошь застраивать пойму реки Раковки (мы были свидетелями наводнения во время приморской экспедиции в августе 2019 г.). В этом обитатели современных окраин повторяют традиции первых колонистов. В мемуарной литературе начала XX века часто упоминается последовательность возведения жилья переселенцами: землянка — барак — изба. Так как приморские реки широко разливаются, переселенцы выжидали несколько лет, выявляя затапливаемые территории, и заново отстраивались на более удобных/безопасных участках, которые, впрочем, также периодически затапливало. Однако более чем полторавековой горький опыт так и не вынудил жителей субурбий обратиться к туземному вернакуляру, преимущественно стоящему на сваях.

На первый взгляд основные отличия городской и районной (деревни и ПГТ) народной архитектуры предопределены различным уровнем благосостояния и, соответственно, различными ценностными системами жителей условных центра и глубинки (воспользуемся понятийным аппаратом, разработанным Рональдом Инглхартом в тексте «Культура и демократия»). Однако полевые исследования, проведённые в таёжных леспромхозах, курортных кластерах Камчатки, в полузакрытых моногородах и прочих формах расселения на «тёмных территориях», выпадающих из «большого нарратива»,

заставили нас усомниться в размерах пресловутой экономической пропасти, разделяющих «город» и «район». Экономика «тёмных территорий» базируется в основном на «серых» схемах, не отражающихся в статистике. При визуальном осмотре мы не обнаружили в «районах» нищеты или разрухи, скорее, наоборот, — «глубинный народ» производит впечатление крепкого хозяйственника (кулака с позитивной коннотацией), уверенно стоящего на ногах и все ресурсы (финансовые и временные) инвестирующего в оборудование семейного гнезда.

Строительство собственного дома, судя по увиденному в экспедициях, стало национальной идеей, поддержанной государственными и краевыми программами («Дальневосточный гектар», «Дальневосточная (двухпроцентная) ипотека»). Визуальная нищета и жёсткая функциональность районной «народной» архитектуры объясняется не экономическими, а, скорее, онтологическими причинами: в деревнях и посёлках изначально отсутствовали образцы «высокой» культуры, задающие планку, к которой стремились бы низшие сословия. В провинциальных городах мещане традиционно копировали «господскую», дворянскую культуру, которая, в свою очередь, была пародией на «столичную». Но и метрополии пытались дотянуться до абстрактных идеалов: Петербург был попыткой буквально (вплоть до амстердамских каналов и римско-версальского трилущия) воспроизвести Европу, Москва — материализовать концепт «Третьего Рима». Европейская архитектура в вариациях исторических стилей стремилась приблизиться к «метафизическому горизонту»

Таблица. Система ценностей дальневосточников и характер вернакуляра.

Городской вернакуляр		Районный вернакуляр	
Запрос на «ценности самовыражения»: избыточность архитектурных решений индивидуального жилья и коммерческих построек.		Преобладание «ценностей выживания»: жёсткая функциональность, максимальная бюджетность строительства, ручной труд, воспроизведение архаичных технологий и культурных образцов.	
Формирование субурбий, состоящих из краснокирпичных коттеджных посёлков.		Кирпичный особняк (часто единственный на весь посёлок) — жилище местного феодала.	
Основной строительный материал — красный кирпич.		Сайдинг и металлочерепица расцениваются как «евроремонт». Основным материалом является дерево (брус).	

(по определению Г. И. Ревзина). Вся эта цепь бесконечных отражений подразумевает главный, исходный источник — «Град Божий», материализацией проекции которого на землю и занимается архитектура. Поэтому язык европейской

архитектуры универсален и понятен всем. Потребность в красоте присуща и жителям глухих районов, но полноценный архитектурный ландшафт им заменяет дальневосточная природа, поражающая живописностью.

Список использованных источников

1. Иванова, А. П. Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018 гг. : учеб. пособие / А. П. Иванова. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. — 244 с.
2. Кауфман, А. А. По новым местам (Очерки и путевые заметки). 1901–1903 / А. А. Кауфман. — Санкт-Петербург : т-во «Общественная польза», 1905. — VIII, 353 с. — Содерж.: I. По Амуру и Приамурию. II. В Уссурийском крае. III. В арало-каспийской степи.
3. Мельникова, Т. Аборигенная история / Т. Мельникова // Словесница Искусств. — 2002. — № 10. — С. 10–12.
4. Передельский, Д. Названы города России, в которых живут самые счастливые люди / Д. Передельский. — Текст : электронный // Российская газета : офиц. сайт / ФГБУ «Редакция “Российской газеты”». — Москва, 1998–1821. — URL: <https://rg.ru/2019/05/02/reg-dfo/samyie-schastlivye-liudi.html> (дата обращения: 06.10.2021).

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 08.10.2021.

Сведения об авторе: Иванова Алина Павловна, кандидат архитектуры, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: iva.nova@mail.ru.